

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
В полѣ бѣсъ нась водить видно
Да кружить по сторонамъ.

Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронять,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

A. Пушкинъ

Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и рассказали въ городѣ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся, и пришедши къ Иисусу, нашли человѣка изъ которого вышли бѣсы сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здравомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луки. Глава VIII, 32-37.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи многочтимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣнію моему, начать нѣсколько издалека, а имѣнно нѣкоторыми біографическими подробностями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и такъ-сказать гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобы ужъ я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки, или, лучше сказать, безпрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, напримѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе «гонимаго» и такъ-сказать «ссыльного». Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классический блескъ, соблазнившій его разъ навсегда, и возвышая его потомъ постепенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довѣль его наконецъ до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гуливеръ, возвратясь изъ страны Лилипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона, невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ чтобы они предъ нимъ сворачивали и остерегались чтобы онъ какъ-нибудь ихъ не раздавилъ, воображая что онъ все еще великантъ, а они маленькие. За это смѣялись надъ нимъ и бралили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутьями: но справедливо ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому же и Степана Трофимови-

ча, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій былъ человѣкъ.

Я даже такъ думаю что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; но уже никакъ вѣдь нельзя сказать что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время, — впрочемъ всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Но дѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась, — такъ сказать отъ «вихря сошедшихся обстоятельствъ». И что же? Не только «вихря», но даже и «обстоятельствъ» совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, но за то уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у настѣ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственного воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его безпрерывно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смынившихся у настѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзвѣжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль,вшенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича неопровергимыми доказательствами что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непремѣнно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ такъ-сказать даже науки, хотя впрочемъ въ наукѣ.... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и кажется совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у настѣ на Руси это сплошь да рядомъ слушается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснуль въ видѣ лектора на каѳедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣль же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и кажется обѣ Аравитянахъ; успѣль тоже защитить блестящую диссертацію о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзейическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особыхъ и неясныхъ причинахъ почему значеніе это вовсе не состоялось. Диссертація эта ловко и больно уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ

враговъ. Потомъ, — впрочемъ уже послѣ потери каѳедры, — онъ успѣлъ напечатать (такъ-сказать въ видѣ отмѣтки и чтобы указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журналѣ, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Занда, начало одного глубочайшаго изслѣдованія, — кажется о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ что продолженіе изслѣдованія было поспѣшно запрещено, и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе что ничего не было и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи обѣ Аравитянахъ потому что перехвачено было какъ-то и кѣмъ-то (очевидно изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то «обстоятельствъ»; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю вѣрно ли, но утверждали еще что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ, между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее, не далъ какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ спискѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и въ великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплѣтѣ. Впрочемъ она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта; странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо по правдѣ ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силь, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чёмъ-то очень неопределенному, большую частію о чёмъ-то проклятіи, но съ оттенкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется и наступаетъ какой-то «Праздникъ жизни», на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими sacramentalными словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чёмъ-то

одинъ минераль, — то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ безпрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопределенно бранятся, но опять-таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ сцена опять перемѣняется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосѣтъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосѣтъ эти травы? отвѣтствуетъ что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ; но что главное желаніе его, поскорѣе потерять умъ (желаніе можетъ-быть и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И наконецъ уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее наконецъ достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ хоть Олимпа, убѣгаєтъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ новымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я, въ прошломъ году, предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенную ея, въ наше время, невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписывала тому нѣкоторую ходность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же какъ я предлагалъ напечатать здѣсь, — печатаютъ нашу поэму *tam*, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому бы адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяцъ; но я убѣжденъ что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленного ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть и ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣтельствуетъ о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопамятнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю что онъ совсѣмъ нисколько не пострадалъ; я лишь убѣдился теперь вполнѣ что онъ могъ бы продолжать о своихъ Аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ тогда съамбіозничалъ и съ особенною поспѣшностью распорядился увѣрить себя разъ навсегда что карьера его разбита на всю его жизнь «вихремъ обстоятельствъ». А если говорить всю правду, то настоящею причиной перемѣнъ карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генераль-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости, и кажется вынесъ съ этою, привлекательною впрочемъ особой, много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію, и сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, «плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви», какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустнаго Степана Трофимовича. Птенца еще съ самаго начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глухи. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской Нѣмочки, и, главное, безо всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гремѣвшая въ то время слава одного незабвенного профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на каѳедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участiemъ и драгоцѣнною, такъ-сказать классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выражаться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе: «бросился въ объятія», но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лиш-

немъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа, на вѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому что и имѣннице оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича, — очень маленькое, — приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогинихъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета, и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но за то оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ-сказать «воплощенной укоризной» предъ отчизной, по выражению народного поэта:

Воплощенной укоризною
Ты стояль передъ отчизною,
Либераль-идеалистъ.

Но то лицо о которомъ выразился народный поэтъ можетъ-быть и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, еслибы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежачемъ положеній, — надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садится за карты. Весь видъ его говорилъ: «Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто жъ отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ называемую между нами «гражданскую скорбь», то-есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Въ послѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ привѣтныхъ наклонностей. Да онъ и ну-

ждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби, онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самыи простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна какъ юмористического смысла. Это была женщина классикъ, женщина меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображений. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя: оба друга одинъ другаго почти съѣсть хотятъ, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризившія и разорвавшія связь другъ первый же заболѣть и пожалуй умретъ, если это случится. Я положительно знаю что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глазъ на глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскачивалъ съ дивана и начиналъ колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже что однажды отбылъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; послѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единствено чтобы возвѣстить мнѣ что Варвара Петровна «ангель чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное». Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и признавался ей, за своею полною подписью, что не далѣе какъ напримѣръ вчера, онъ разказывалъ постороннему лицу что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидѣтъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхѣ что онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутациї; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильствен ною смертью; а отъ нея ждеть послѣдняго слова, которое все рѣшить, и пр., и пр., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ

всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры, изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненію. Я ужаснулся и умолялъ не посыпать письма.

— Нельзя.... честнѣе.... долгъ.... я умру если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и прочитавъ, складывала въ особый ящики, помѣченныя и разсортованыя; кромѣ того слагала ихъ въ сердцѣ свое. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала что онъ уже и самъ не смѣль напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужь скоро и ободренный ея же спокойствиемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ должно-быть ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, нечаянно вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того бывало мучился что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эти особенные съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своесть родѣ куріозъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его не-навидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самого конца, того что сталъ наконецъ для нея ея сыномъ, ея созданіемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держить и содержить его вовсе не изъ одной только «зависти къ его талантамъ». И какъ должно-быть она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди безпрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала бы